

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

КНИГА 2

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

ПЕРВОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ НОВЫХ НИДЕРЛАНДОВ

Вашингтон Ирвинг

История Нью-Йорка. Книга 2

<https://litres.ru/74430374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во второй книге «Истории Нью-Йорка» наш чудаковатый летописец Дидрих Никербокер наконец переходит от теорий о сотворении мира к самому захватывающему — заселению Новых Нидерландов. Вы познакомитесь с отважным Генри Гудзоном, который искал проход в Китай, а открыл реку своего имени; с командой «Гуде Вроу», торгующей с индейцами за бусы и одеяла; и с мудрым Олоффе Сновидцем, которому во сне явился сам святой Николай и указал место для будущего города. Здесь и комичная покупка Манхэттена за шестьдесят гульденов (отмерянных штанами!), и бурное плавание через пролив Хелле-гат, и первые городские распри — рыть каналы или строить сваи? Ирвинг с неизменным добродушием и иронией превращает историю колонизации в увлекательный балаган, где серьёзность соседствует с отчаянным юмором, а голландские бюргеры выглядят куда занятнее любых героев древности.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

История Нью-Йорка. Книга 2

Глава

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

Книга вторая

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

Вашигтон Ирвинг

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Для современного читателя

Если первая книга «Истории Нью-Йорка» познакомила вас с чудаковатым историком Дидрихом Никербокером и его теориями о сотворении мира, то во второй наконец начинается действие: на сцену выходит Хендрик Гудзон, который в поисках пути на Восток случайно открывает реку, названную позже его именем.

Вслед за ним в Новый Свет отправляются первые голландские колонисты на корабле «Гуде Вроу» — «Добрая женщина». Никербокер рассказывает, как они торговали с индейцами, спорили из-за плана застройки и в конце концов «честно» приобрели остров Манхэттен за шестьдесят гульденов — землю при этом, если верить преданию, отмерили штана-

ми одного из бюргеров.

Серьёзный тон повествования у Ирвинга то и дело под-
рывается иронией. Здесь и вещие сны Олоффе Сновидца, и
бурное плавание через пролив Хелле-гат — «Адские врата»,
и явление самого святого Николая, покровителя Нового Ам-
стердама. Считается, что именно отсюда пошёл обычай ве-
шать чулки накануне его праздника.

Город в этой книге — ещё крошечная деревушка за ча-
стоколом, где главные достопримечательности — капустные
огороды да табачные плантации. Но именно среди этих буд-
ней зарождается будущий Нью-Йорк.

Впереди — море голландского юмора, морских приклю-
чений и удивительных открытий. И помните: всё, что вы про-
чтёте, — чистая правда. Или почти правда — как её пони-
мает наш никогда не унывающий выдумщик Никербокер.

Н. Г.

Часть II. Перевод с адаптацией для современного читателя

КНИГА ВТОРАЯ

Повествующая о первом заселении провинции Новые Нидерланды

ГЛАВА I

ГЛАВА I

Хенарик Гудзон впервые видит берега Манна-хаты.

Мой прадед по материнской линии, Херманус Ван Клаттеркоп, когда ему поручили строительство большой каменной церкви в Роттердаме — что стоит примерно в трёхстах ярдах слева, если свернуть с Бумкейс, и устроена так удобно, что все ревностные роттердамские христиане предпочитают проспать проповедь именно в ней, а не в какой-либо другой церкви города, — так вот, мой прадед, получив заказ на эту знаменитую церковь, первым делом послал в Делфт за ящиком длинных трубок; затем, купив новую плевательницу и центнер лучшего виргинского табака, уселся и добрых три месяца не делал ничего, кроме как усердно курил. Затем он потратил ещё добрых три месяца, странствуя пешком и разъезжая на трекшёйте из Роттердама в Амстердам, в Делфт, в Харлем, в Лейден, в Гаагу, стучаясь головой и разбивая трубку о каждую церковь на своём пути. Затем он стал постепенно приближаться к Роттердаму, покуда не оказался в полном виду того самого места, где надлежало строить церковь. Затем он потратил ещё три месяца, обходя это место кругом и кругом, созерцая его то с одной точки зрения, то с другой: то проплывал мимо него на канале, то разглядывал его в подзорную трубу с другого берега Мааса, то бросал на него взгляд с птичьего полёта с вершины одной из тех исполинских мельниц, что стерегут городские ворота. Добрые горожане уже стояли на цыпочках от нетерпеливого ожидания

— но, несмотря на всю суету моего прадеда, не было видно ни малейшего признака церкви; они уже начали опасаться, что она вовсе не появится на свет, а сам её великий зодчий скончается в родовых муках задуманного им грандиозного плана. Наконец, потратив добрых двенадцать месяцев на пыхтение и разъезды, разговоры и хождения — объехав всю Голландию и даже заглянув во Францию и Германию, — выкурив пятьсот девяносто девять трубок и три центнера лучшего виргинского табака, — мой прадед созвал весь тот сведущий и деятельный разряд горожан, что охотнее занимаются чужими делами, нежели своими, и, скинув кафтан и пять пар штанов, решительно выступил вперёд и заложил краеугольный камень церкви в присутствии всего честного народа — как раз в самом начале тринадцатого месяца.

Подобным же образом, имея перед глазами живой пример моего достойного предка, поступал и я, сочиняя эту достовернейшую историю. Честные роттердамцы, без сомнения, полагали, что мой прадед вовсе не занимается делом, устраивая столько предварительной суеты вокруг постройки своей церкви; и многие изобретательные жители этого прекрасного города, без сомнения, решат, что все предварительные главы с открытием, заселением и окончательным устройством Америки были совершенно неуместны и излишни, — и что главное дело, история Нью-Йорка, ни на йоту не продвинулось дальше, чем если бы я вовсе не брался за перо. Но никогда ещё мудрые люди так не заблуждались

в своих догадках. Именно оттого, что дело велось медленно и обдуманно, церковь вышла из рук моего прадеда одним из самых пышных, прекрасных и великолепных зданий, какие только знал свет, — если не считать того, что, подобно нашему величественному Капитолию в Вашингтоне, она была задумана в столь грандиозном масштабе, что у добрых горожан достало средств лишь на то, чтобы достроить одно её крыло. Так и я льщу себя надеждой, что если мне когда-нибудь удастся завершить этот труд по тому же плану, с коего я начал (в чём, признаться по правде, порой сам сомневаюсь), окажется, что я следовал новейшим правилам своего искусства, как то явствует из сочинений всех великих американских историков, и соорудил весьма обширную историю из весьма скромного предмета, — что в наши дни почитается одним из величайших триумфов исторического мастерства. Итак, продолжим нить нашего повествования.

В достопамятный год от Рождества Христова тысяча шестьсот девятый, в субботнее утро двадцать пятого марта по старому стилю, тот «достойный и незаменимый первооткрыватель, как его по справедливости назвали, — мастер Генри Гудзон» отплыл из Голландии на крепком судне под названием «Полумесец», будучи нанят голландской Ост-Индской компанией для поисков северо-западного прохода в Китай.

Генри (или, как называют его голландские историки, Хендрик) Гудзон был мореплавателем прославленным, обу-

чившимся курить табак ещё при сэре Уолтере Рэли, и, как говорят, первым завёз этот обычай в Голландию, чем снискал себе там немалую популярность и великое расположение как их Высокомощных Господ Генеральных Штатов, так и почтенной Вест-Индской компании. Был он невысоким, коренастым, крепко сбитым пожилым господином, с двойным подбородком, ртом наподобие мастифьей пасти и широким медным носом, который, как полагали в те дни, приобрёл свой огненный оттенок от неизменного соседства с его курительной трубкой.

Носил он настоящий андреа-феррара, заткнутый за кожаный пояс, и командорскую треуголку набекрень. Отличался он тем, что всегда вздёргивал штаны, отдавая приказы, а голос его звучал наподобие дребезжания жестяной трубы — от того великого множества крепких норд-вестов, что ему довелось проглотить за годы морской службы.

Таков был Хендрик Гудзон, о коем мы столько слышаны и столь мало знаем; и я так подробно на нём остановился ради пользы современных живописцев и ваятелей, дабы они изображали его таким, каким он был, а не превращали его, по своему обычаю с современными героями, в некое подобие Цезаря, или Марка Аврелия, или Аполлона Бельведерского.

В качестве старшего помощника и любимого товарища командор избрал мастера Роберта Джуэта из Лаймхауса, что в Англии. Иные пишут его имя как Чьюит, приписывая это тому обстоятельству, что он якобы был первым человеком,

когда-либо жевавшим табак; но это, полагаю, не более чем пустая острота, тем паче что некоторые из его потомков живы и по сей день и пишут свою фамилию именно как Джуэт. Он был старым товарищем и школьным другом великого Гудзона, с которым в детстве частенько сбегал с уроков и пускал бумажные кораблики в соседнем пруду, — откуда, говорят, командор и почерпнул первую склонность к морской жизни. Верно то, что старики в окрестностях Лаймхауса поговаривали, будто Роберт Джуэт — сорванец несчастливый, склонный к проказам, и что рано или поздно он кончит на виселице.

Вырос он, как нередко вырастают подобные мальчишки, — бродячим, беспечным малым, помотавшимся по всем углам света, повидавшим больше опасностей и чудес, чем сам Синдбад-мореход, но нисколько от того не поумневшим, не сделавшимся ни осторожнее, ни хуже нравом. При всякой неудаче он утешался жвачкой табака да истинно философическим правилом, что «через сто лет всё будет одно и то же». Он был мастер вырезать якоря и вензеля влюблённых на переборках и поручнях и слыл на корабле большим остряком за то, что подшучивал над всеми подряд, а порой даже строил гримасы старому Хендрику за его спиной.

Этому вот всестороннему гению обязаны мы многими подробностями об этом плавании, ибо он написал о нём историю по просьбе самого командора, питавшего к письму непреодолимое отвращение — с тех пор как в школе его

за это немало пороли. Дабы восполнить недостатки журнала мастера Джуэта, писанного с истинно судовой лаконичностью, я воспользовался различными семейными преданиями, дошедшими от моего прапрадеда, сопровождавшего экспедицию в качестве юнги.

Из всего, что мне удалось узнать, в плавании этом случилось немного событий, достойных упоминания, и мне чрезвычайно досадно, что приходится вводить в свой труд столь прославленную экспедицию, не имея возможности сказать о ней больше.

Довольно будет сказать, что плавание было благополучным и спокойным: команда, будучи народом терпеливым, весьма склонным к дрёме и праздности и мало подверженным недугу мышления — тому душевному недомоганию, что неизменно порождает недовольство, — не доставляла особых хлопот. Гудзон запасся вдоволь можжевелевой водкой и квашеной капустой, и всякому дозволялось мирно дремать на своём посту, покуда не подует ветер. Правда, случалось выказывать лёгкое недовольство кое-каким неразумным поведением командора Гудзона. Так, например, он не спешил убирать паруса при слабом ветре и ясной погоде, что среди самых опытных голландских моряков почиталось верным предвестием скорой перемены погоды к худшему. Действовал он, кроме того, прямо наперекор той древней и мудрой заповеди голландских мореходов, что всегда убирали паруса на ночь, клали руль на левый борт и укладыва-

лись спать, благодаря какой предосторожности они и выспались хорошенько, и точно знали поутру, где находятся, и почти не рисковали в темноте наскочить на целый материк. Он также запретил морякам носить более пяти курток и шести пар штанов кряду, под тем предлогом, что это делает их проворнее; и никому не дозволялось лезть наверх убирать паруса с трубкой в зубах, как то неизменно принято у голландцев по сей день. Все эти обиды, хотя и могли на миг возмутить врождённое спокойствие честных голландских матросов, оставляли лишь мимолётное впечатление; они преизрядно ели, преизобильно пили и беспредельно спали; и, находясь под особым покровительством Провидения, корабль благополучно достиг берегов Америки, где, после нескольких малозначительных приближений к берегу и отходов от него, четвёртого дня сентября наконец вошёл в тот величественный залив, что и поныне раскрывает свои просторные объятия перед городом Нью-Йорком и который до того не видел ещё ни один европеец.

В нашей семье издавна передаётся предание, что когда великому мореплавателю впервые открылся вид этого чарующего острова, у него — впервые и единственный раз в жизни — заметили явные признаки изумления и восхищения. Говорят, будто он обернулся к мастеру Джуету и, указывая на этот рай нового света, произнёс следующие достопамятные слова: «Гляди-ка! Вон там!» — и тотчас же, по своему всегдашнему обыкновению, когда бывал чрезвычайно дово-

лен, испустил такие густые клубы табачного дыма, что в одну минуту корабль скрылся из виду земли, и мастеру Джуету пришлось дожидаться, покуда ветер не развеет этот непроходимый туман.

«То было поистине, — как говаривал мой прадед, хотя, по правде сказать, сам я этого никогда от него не слышал, ибо он, само собою, скончался прежде, чем я родился на свет, — то было поистине место, коим взор мог бы упиваться вечно, находя в нём всё новые и нескончаемые красоты». Остров Манна-хата раскинулся перед ними во всю ширь, точно сладостное видение фантазии или прекрасное творение неутомимого волшебства. Его холмы, улыбчиво-зелёные, мягко вздымались один над другим, увенчанные высокими деревьями пышного роста; иные простирали свою тонкую листву к облакам, что дивно светились прозрачностью, другие же клонили к земле ветви, отягощённые зелёным бременем цепких лоз, а земля вокруг была устлана цветами. По пологим склонам холмов в весёлом изобилии рассыпались кизил, сумах и дикий шиповник, чьи алые ягоды и белые цветы ярко пылали среди густой зелени окрестной листвы; а тут и там из маленьких лощин, открывавшихся вдоль берега, поднимался выющийся столбик дыма, будто суля усталым путешественникам радушный приём от рук таких же, как они, живых существ. Покуда они стояли, зачарованно созерцая открывшуюся перед ними картину, из одной такой лощины показался краснокожий человек, увенчанный перьями, и,

безмолвно и с изумлением поглядев на величавый корабль, восседавший на воде, точно горделивый лебедь на серебряном озере, издал боевой клич и метнулся в лес, точно дикий олень, — к вящему изумлению флегматичных голландцев, за всю свою жизнь не слыхавших подобного крика и не видавших подобного прыжка.

О сношениях наших путешественников с дикарями, о том, как те курили медные трубки и ели сушёную смородину, как принесли в изобилии табака и устриц, как застрелили одного из корабельной команды и как его похоронили, я не скажу ничего, полагая всё это несущественным для моей истории. Пробыв несколько дней в заливе, дабы оправиться после морского перехода, наши путешественники снялись с якоря, дабы исследовать могучую реку, впадавшую в залив. Река эта, как говорят, была известна среди дикарей под именем Шатемук, хотя нас уверяют в превосходной небольшой истории, изданной в тысяча шестьсот семьдесят четвёртом году неким Джоном Джосселином, джентльменом, что называлась она Могеган; а мастер Ричард Блум, писавший несколько времени спустя, утверждает то же самое, — так что я весьма склонен согласиться с мнением этих двух честных джентльменов. Как бы то ни было, вверх по этой реке и двинулся предприимчивый Хендрик, нимало не сомневаясь, что она-то и окажется долгожданным проходом в Китай!

Журнал далее упоминает о разных встречах команды с туземцами во время плавания вверх по реке; но поскольку они

были бы неуместны в моей истории, я обойду их молчанием, за исключением одной сухой шутки, сыгранной старым командором с его школьным товарищем Робертом Джуэтом, — шутки, делающей столь великую честь их опытной философии, что я не могу удержаться, чтобы её не привести. «Наш хозяин и его помощник решили испытать некоторых из главных людей той страны, нет ли в них какого коварства. И для того свели их вниз, в каюту, и напоили вином и водкой до того, что все развеселились; и с одним из них была его жена, что сидела так скромно, как подобало бы любой из наших соотечественниц в чужом месте. В конце концов один из них напился, — а он побывал на нашем корабле всё то время, что мы там простояли, — и это показалось им странным, ибо они не знали, как это принять».

Убедившись этим хитроумным опытом, что туземцы — народ честный, общительный и весёлого нрава, вовсе не прочь выпить и весьма веселы во хмелю, старый командор преизрядно посмеялся про себя и, сунув в щёку двойную жвачку табака, велел мастеру Джуэту старательно занести это в записи — к вящему удовлетворению всех натурфилософов Лейденского университета; после чего продолжил своё плавание в великом самодовольстве. Проплыв, однако, свыше ста миль вверх по реке, он обнаружил, что окружающий его водный мир становится всё мельче и уже, течение же быстрее и совершенно пресно, — явление в верховьях рек нередкое, но чрезвычайно озадачившее честного голландца.

Был созван совет, и, проведя в размышлениях добрых шесть часов, они наконец пришли к решению — благодаря тому, что корабль сел на мель, — единодушно заключив, что попасть в Китай этим путём мало надежды. Всё же вперёд была послана шлюпка для разведки верховьев реки, и по её возвращении мнение это подтвердилось; тогда корабль, с немалым трудом (ибо, подобно большинству особ женского пола, он был чрезвычайно норовист в управлении), стянули с мели и развернули, и предприимчивый Гудзон, по свидетельству моего прапрадеда, повернул обратно вниз по реке — с изрядной блохой в ухе!

Убедившись, что надежды попасть в Китай остаётся немного, разве что, подобно слепцу, вернуться туда, откуда вышел, и начать сызнова, он немедленно отправился через море обратно в Голландию, где был встречен с великим радушием почтенной Ост-Индской компанией, чрезвычайно обрадованной его благополучным возвращением — вместе с их кораблём; и на многолюдном и почтенном собрании первейших купцов и бургомистров Амстердама было единодушно решено, что в щедрую награду за оказанные им выдающиеся услуги и совершённое им важное открытие великую реку Могеган надлежит впредь именовать его именем; и она зовётся рекой Гудзон по сей день.

ГЛАВА II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.